

На шее Цю Минцюана остался крем. Потрогав её, он обнаружил, что на шнурке нефритовой подвески тоже есть. Не раздумывая, он естественным образом вытащил её наружу и начал очищать от загрязнений.

Внезапно подняв голову, он заметил, что Сян Чэн пристально смотрит в зеркало, уставившись на него с крайне странным выражением лица.

В тот же миг в его сердце вспыхнуло смутное чувство опасности, и голос Президента Фэн резко прозвучал в его сознании:

— Опасно, уходи скорее!

Цю Минцюань мгновенно осознал ситуацию.

Боже, они находились вне поля зрения юного Фэн Жуя, и нефритовая подвеска стала видимой!

— Сян Чэн знает мою подвеску, мы с детства вместе играли, он слишком хорошо её помнит! — в голове Президент Фэн торопливо подгонял его. — Избегай его!

Но было уже поздно.

Взгляд Сян Чэна сменился с замешательства на удивление всего за мгновение.

В зеркале его глаза широко раскрылись, ясно уловив мелькнувший из-под красной нити кусочек изумрудного цвета.

Цю Минцюань уже собирался поспешно выбежать из комнаты, как вдруг Сян Чэн резко схватил его.

Без лишних слов он ухватился за воротник Цю Минцюана и потянул за красную нить на его шее:

— Что это?!

Цю Минцюань почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки, и ощутил острую опасность раскрытия тайны. Он изо всех сил схватил руку Сян Чэна и попытался оттолкнуть её:

— Отпусти!

Такая странная и агрессивная реакция только сильнее раззадорила Сян Чэна.

Он прищурил глаза, его лицо стало строгим, и он не только не отпустил, но ещё сильнее потянул:

— Что там такое, почему нельзя показать?

Нет, он чувствовал, что что-то здесь не так!

Тот яркий и блестящий зелёный цвет, окружённый белизной нефрита Хэтянь, лишь мелькнул в глубине воротника Цю Минцюана, но был до боли знаком.

Такой насыщенный изумрудный цвет — разве это обычный оттенок? Он с детства видел немало ценных вещей, но такой уровень качества встречал только на шее одного человека.

Нехорошие мысли вдруг всплыли в голове Сян Чэна, и его лицо стало ещё более странным.

Цю Минцюань ни за что не хотел, чтобы он увидел подвеску, и в панике они оба схватились друг с другом, начав ожесточённую борьбу в ванной комнате.

— Оглуши его! — Президент Фэн был ещё более взволнован, чем он, и теперь, забыв о дружбе, только подгонял его. — Оглуши и уходи, потом скажешь, что он всё перепутал!

Но Цю Минцюань не мог по-настоящему причинить вред. Это не был грабитель или вор, это был Сян Чэн!

Сердце его бешено колотилось, и, боясь повредить нефрит в борьбе, его сопротивление было пассивным.

С одной стороны, Цю Минцюань одной рукой отчаянно защищал свою шею, а Сян Чэн, имея обе руки свободными, внезапно нашёл момент, чтобы толкнуть его и прижать к раковине.

Цю Минцюань, прижатый к краю мраморной раковины, почувствовал резкую боль в животе, его ноги подкосились, и он чуть не упал на колени.

Этот толчок Сян Чэна пришёлся прямо на старую рану Цю Минцюана.

С громким звоном стеклянный стакан для полоскания упал на кафельный пол и разбился на осколки.

Сян Чэн, действуя быстро, схватил сжавшегося Цю Минцюана и уже собирался воспользоваться моментом, чтобы вытащить красную нить на его шею и увидеть, что же там скрыто, но вдруг остановился.

Цю Минцюань был бледен как бумага, держась за левую сторону живота, его лицо исказилось от боли.

Сян Чэн вдруг вспомнил — разве не с левой стороны он получил рану, когда защищал их в танцзале?

Он открыл рот, ошеломлённый, и замер.

В этот момент у входа раздался раздражённый голос:

— Сян Чэн, что ты делаешь?!

Фэн Жуй стоял у двери, привлечённый звуком разбитого стакана, и теперь смотрел на них с удивлением, которое быстро сменилось гневом.

Любой мог увидеть, что Сян Чэн прижал Цю Минцюана и нападал на него!

Сян Чэн ошеломлённо отпустил его, в его голове всё ещё мелькало смутное ощущение, что что-то не так.

— Жуй, у него на шее что-то...

Он торопливо обернулся, желая показать Фэн Жую красную нить на шее Цю Минцюана, но в следующий момент протёр глаза.

Где она? Куда исчезла красная нить, которая только что была там?

— Ты... ты... — Он остолбенел, внезапно осознав что-то, и в отчаянии воскликнул. — Куда ты её спрятал?!

Внезапно в его голове возникла подозрительная мысль — неужели Цю Минцюань украл вещь Жуя, или же Жуй тайно подарил ему свою драгоценную подвеску?

Последняя мысль заставила его почувствовать ледяной холод, и он ошеломлённо повернулся к Фэн Жую, дрожащим голосом произнеся:

— Твоя...

Он вдруг замолчал.

Фэн Жуй стоял напротив, и на его шее ярко выделялась красная нить. Сян Чэн ошеломлённо бросился к нему и резко вытащил нить на его шее!

Она была на месте.

Он с облегчением выдохнул, и тут же осознал одну вещь.

Они оба были у него на глазах, и, конечно, Цю Минцюань не мог только что вернуть подвеску Фэн Жую. Значит... как бы там ни было, даже если он её спрятал, это была его собственная вещь.

Чувство вины и стыда нахлынуло на него, и он смущённо обернулся к Цю Минцюану, покрытому холодным потом, сожалея о случившемся.

— Прости. Я... я ошибся, — он тихо произнёс, невольно с ноткой упрёка. — Показать бы кому-нибудь, разве от этого что-то изменится? Ты что, как невеста, которую хотят изнасиловать?... Ты в порядке?...

Фэн Жуй с мрачным лицом шагнул в ванную комнату и помог Цю Минцюану подняться:

— Что случилось, ты в порядке?

Сердце Цю Минцюана бешено колотилось, и в первый момент он даже не почувствовал облегчения при виде Фэн Жую, а наоборот, ощутил ещё большую опасность.

Теперь, немного успокоившись, он понял: всё в порядке, появилась юная версия, и кризис миновал!

Действительно, нефритовая подвеска на его шее исчезла, не оставив и следа.

— Всё в порядке, просто недоразумение, — он с трудом улыбнулся.

Фэн Жуй холодно взглянул на Сян Чэна, раздражённый: недоразумение? Что за недоразумение? Неужели Сян Чэн снова вспылил и начал драку?

В конце концов, это был его день рождения, и драка в его доме — это слишком! Тем более, хотя он и не знал, в чём дело, но смущённое и раскаянное выражение лица Сян Чэна ясно говорило о том, что он снова начал первым.

— Ты снова полез в драку? Не слишком ли это? — Он произнёс каждое слово с холодом в голосе.

— Я... я не дрался, — Сян Чэн растерянно ответил. — У него на шее была подвеска, мне она показалась знакомой, я просто хотел посмотреть...

Он обернулся, с надеждой глядя на Цю Минцюана:

— Ты её спрятал, да?

Цю Минцюань смущённо молчал, совершенно не зная, что ответить: это было ужасно!

Фэн Жуй с подозрением посмотрел на молчаливое лицо Цю Минцюана:

— Какая подвеска?

Цю Минцюань растерянно открыл рот и выпалил:

— Н-нет её!

Фэн Жуй нахмурился и с недовольством посмотрел на Сян Чэна:

— Хватит, прекрати нести чушь!

Сян Чэн побледнел, глядя на закрытый рот Цю Минцюана: нет её?!

В его глазах внезапно вспыхнул гнев:

— Хорошо, если ты говоришь, что её нет, значит, её нет!

Он резко развернулся и пошёл к выходу, проходя мимо Фэн Жуя, стиснув зубы:

— Значит, я ослеп, или я оклеветал его!

Цю Минцюань едва осмеливался дышать, чувствуя, что его живот действительно немного болит. Толчок Сян Чэна пришёлся прямо на старую рану, и после резкой боли теперь ощущалась тупая пульсация.

— Я уже целый день здесь, боюсь, дома ещё есть дела. Я пойду, вы продолжайте веселиться, — он притворился, что улыбается, и попрощался.

Фэн Жуй помолчал, решив, что он и Сян Чэн действительно сильно поссорились, и молча кивнул.

— Я провожу тебя, — коротко сказал он, лично проводив Цю Минцюана до двери.

Немного помедлив, он посмотрел на слегка бледное лицо Цю Минцюана и с извинением произнёс:

— Я извиняюсь за Сян Чэна. Он действительно слишком импульсивен и вспыльчив. Ты... не сердись на него.

Цю Минцюань улыбнулся. В его душе был старый мужчина, переживший перерождение, и он не мог по-настоящему злиться на ребёнка.

Поэтому его взгляд был искренним:

— Я действительно не сержусь. Сян Чэн просто слишком чувствительный, он слишком много думает.

<http://bllate.org/book/16729/1539050>